

ОНТОЛОГИЯ, МЕТАФИЗИКА И МАТЕМАТИКА: ПРОБЛЕМА СОЮЗА И ГРАНИЦ

С момента своего зарождения математика играет существенную роль в развитии онтологии как учения о сущем как таковом, занимающегося вещами не в силу того, что они обладают определенными свойствами и отношениями, а в силу того, что они есть (пифагорейцы, Платон). Проблема философских оснований математики, союза онтологии и математики, равнозначности партнеров в этом союзе не утратила своей актуальности и по сей день.

Следует заметить, что решению данной, а также многих других проблем, стоящих сегодня перед философией и наукой, во многом препятствует чрезвычайно «свободное» обращение с базовыми категориями, на языке которых традиционно излагаются фундаментальные теории бытия. Свойственный современному философскому дискурсу «терминологический плюрализм» значительно затрудняет задачу однозначного определения таких ключевых понятий, как «онтология», «метафизика», «бытие», «сущее», «существование» и т.д. Многие из них отождествляются друг с другом, приобретают новые, «неклассические» смыслы, что приводит к амфиболиям, противоречиям, бесплодной схоластике. Особенно ярко это проявляется в философско-математических исследованиях.

Так, в настоящее время в философской литературе нередко можно встретить обращение к так называемой «множественности онтологий» — вводятся понятия частных, региональных, профессиональных, предметных и т.п. онтологий. О. А. Назарова, описывающая появление в конце XIX – начале XX века «новых онтологий», связанное с проведением водораздела между метафизикой и онтологией, отмечает: ««Новые онтологии»... отклоняют претензии учения о бытии на статус первоосновы других наук... Онтология, таким образом, пытается говорить о сущем лишь как о реально существующем, о том, что есть «на самом деле», о том, что можно познать рационально и с очевидностью. В этом смысле, в зависимости от того, что понимается под реально существующим,

можно говорить об онтологии субъективности, об онтологии сознания, об онтологии языка и т.п.» [1. С. 64]. Другими словами, учению о бытии в его новом прочтении противопоставляется не что иное, как метафизика в ее классическом понимании, а именно – учение о первопричинах феноменального мира и всего сущего, то есть об Абсолютном.

Тогда закономерно возникает вопрос: а возможна ли в таком случае онтология математики и насколько «реальна» математика и ее объекты? Что вообще следует понимать под «реально существующим на самом деле»? Как убедительно показывает Г. Д. Левин, не существует «никаких отличий термина «реальность» от термина «бытие», кроме лингвистических» [2. С. 33]. Избежать в этом случае стилистического абсурда можно только в случае апелляции к разделению понятий бытия и сущего (в наиболее последовательной форме реализованному М. Хайдеггером). Однако методологическая ценность такого разделения весьма сомнительна, поскольку и «бытие», и «сущее» обозначают носитель признака «быть», «существовать».

С другой стороны, отождествление реальности с «действительностью» как определенным (наряду с «необходимостью» и «возможностью») модусом бытия также приводит к бессмыслице. Так, рассмотрение онтологии возможного оказалось бы под запретом только из-за очевидного противоречия между «тем, что есть» и «тем, что может быть». Возможно, это корректно с точки зрения этимологии (*realis* с позднелатинского означает «действительный»), но совершенно непригодно с точки зрения модальной логики. Даже если принять во внимание возможность совпадения модусов действительного и возможного в некоей идеальной сущности (в разное время над этим размышляли Фома Аквинский, Николай Кузанский, Гегель и др.), мы неминуемо возвратимся к противоположности «новой онтологии» – метафизике. Кроме того, в предметную область метафизики также попадут если не все, то по крайней мере многие «нереальные» и «неочевидные» математические объекты (такие, например, как актуальная бесконечность, экстремум, предел функции и т.п.). Другими словами, описанное разведение онтологии (точнее, многих онтологий) и метафизики с неизбежностью приводит к совершенно недопустимому, на наш взгляд, дроблению самого предмета

философии математики с последующей локализацией ее «частных» вопросов и потерей целостной картины исследования.

С нашей точки зрения, подобного «приумножения сущностей сверх необходимости» вполне можно избежать, не выходя за рамки формальной логики и «официального» философского языка категорий, тем более что, как справедливо указывает В. В. Миронов, «никаких более общих структур, никакого более общего языка еще никто не придумал» [3. С. 247]. Онтология, согласно этимологии этого слова, является учением о «сущем» (которое, как показано выше, вовсе не обязательно противопоставлять понятию «бытие») и призвана изучать «всеобщие структуры и закономерности развития вещей и процессов как таковых (или самой по себе объектности любого рода)» [3. С. 15]. В таком случае не онтологические учения должны признаваться частью метафизики, а, напротив, те метафизические теории бытия, которые признают возможность познания Абсолютного первоначала всего сущего, должны органически включаться в общую онтологическую картину мира.

Применительно к философии математики это, в частности, позволит избежать не совсем корректного присвоения математике роли универсальной онтологии природного или неоднозначности толкования понятия «онтология математики» (с этим можно столкнуться, например, при изучении ряда работ современного исследователя А. Бадью, разработавшего оригинальную «теорию презентации» с использованием современной математической техники). Онтология математики – сравнительно молодая прикладная философская дисциплина, нацеленная на выявление всеобщих закономерностей бытия математического объекта и математической реальности в целом как специфической смыслопорождающей сферы идеального бытия.

Примечания

1. Назарова О. А. Онтологическое обоснование интуитивизма в философии С. Л. Франка / О. А. Назарова. М.: Идея-Пресс, 2003. 196 с.
2. Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе / Г. Д. Левин. М.: Логос, 2007. 224 с.
3. Миронов В. В. Онтология и теория познания: учебник / В. В. Миронов, А. В. Иванов. М.: Гардарики, 2005. 447 с.